

ОЛЕГ БЕЛОУС

**ПРУС -
ЯНТАРНЫЙ КНЯЗЬ**

Олег Белоус

Прус - янтарный князь

<https://litres.ru/74461052>

SelfPub; 2026

Аннотация

Римского патриция Марцелла ссылают на край света. Его проклинали «старые» боги, против него плетут интриги в верхах империи и пытаются извести могущественные колдуны. Но он с честью проходит через испытания и находит новую Родину.

«И родились у него сыновья, и внуки, и правнуки. И так продолжалось четырнадцать колен»

« и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву».

и оттуда пошла Русь.

Роман соединяет римскую политическую драму, славянскую и древнеримскую мифологию и хоррор-элементы.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	32
Глава 3	59
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Олег Белоус

Прус - янтарный князь

И родились у него сыновья, и внуки, и правнуки.

И так продолжалось четырнадцать колен в той земле
Прусской,

и все они помнили, что род их ведется от Августа-кесаря.

И в четырнадцатом колене от того Пруса родился князь
Рюрик.

Сказание о князьях Владимирских

«Audaces fortuna iuvat»

(Удача благоволит смелым - мраморная надпись из Помпей).

Глава 1

23 год до н. э. Дворец Октавиана, Великий Рим, кабинет императора.

Солнце только-только самым краешком приподнялось над семью холмами, помнящими еще легендарного Ромула. Но в императорском кабинете его не видно: окон не было — Август опасался покушения.

Император, в глубине кабинета, с гусиным пером в руках, склонился над свитком. Память не подводила, и работа спорилась. Он даже не заметил, как уголки губ приподнялись — впервые за последние дни.

Вместо солнечного света по углам горели, чадя и едва слышно потрескивая, масляные лампы на высоких канделябрах из позолоченной бронзы, искусно выкованных в виде стройных атлантов.

Дрожащий свет ламп заливал мраморную мозаику пола со сценой охоты на калидонского вепря, редкие трофеи на постаменте: скифский обруч, индийскую шкатулку, египетскую кошку — дары царей из покоренных земель и бюсты в глубоких нишах. Цезарь — плешивый, с лавровым венком на тяжелой голове — смотрел пустыми глазами. Август, почти мальчик с неокрепшими чертами, — в сторону, будто ему было неинтересно смотреть на людские дела. Юпитер —

бородатый, с молнией в руке.

Четвертая ниша пустовала. Ждала. Но кого — знали одни боги. А они не желали раскрывать тайну.

Из-за закрытой двери слышались приближающиеся шаги. По мраморной мозаике они звучали гулко, каждый шаг — словно удар, и император недовольно поморщился. *Кого это несут Фурии?*

Обитая бронзой дубовая дверь открылась, закрывшись за посетителем с глухим стуком, и звук этот замер в тишине, словно камень, ушедший на дно бездонного болота. Стены из темного мрамора с белыми прожилками гасили звуки, как губка поглощает воду.

Октавиан поднял бледное лицо — он только что оправился от тяжелой болезни. Сросшиеся брови чуть сдвинулись — единственный признак недовольства, который он позволял себе в присутствии подчиненных.

Луций Элий Сеян (*префект претория*) одевался подчеркнуто скромно — темная шерстяная туника без вышивки, потертый кожаный пояс. Сеян сознательно избегал роскоши, зная: император не терпит соперников даже в цвете одежды. А то, что он позволил редкую дерзость — войти без стука, означало, что новости слишком важные, чтобы ждать разрешения.

Префект остановился в трех шагах от заваленного свитками и восковыми табличками стола. Не ближе — чтобы не нарушать дистанцию. И не дальше — чтобы не заставлять

императора повышать голос. Склонил голову:

- Ave, Caesar.

— Приветствую, Луций. Я надеялся закончить с «Деяниями» до полудня. — Голос императора был негромким, с легкой хрипотцой. Он недавно проснулся и еще не пил разбавленного вина, которое обычно смягчало горло. - Говори, с чем пришел.

Сеян шагнул вперед. Вытянул руку - на правом запястье блеснул золотой браслет, подарок императора за спасение жизни. В длинных узловатых пальцах, похожих на корни старого дерева, он держал свиток.

— Цезарь, — тихо сказал Сеян, и шепот его ворвался в тишину кабинета словно удар молота. — Есть известия, требующие твоего внимания. Обнаружен заговор.

Он положил свиток на стол — аккуратно, ровно, как хирург раскладывает инструменты перед тяжелой операцией.

Октавиан снова нахмурился и взял свиток. Прочитал. Лицо не изменилось — только побелели костяшки пальцев, сжимавших пергамент, а правая рука на мгновение прижалась к груди. Поднял взгляд на Сеяна.

— Аппулей? — спросил он. В голосе императора прозвучало удивление пополам с недоверием.

— Да, консул Секст Аппулей, — кивнул Сеян. — Твой племянник, сын Октавии Старшей. Это его письмо - он готовит переворот. Там все изложено: сроки, союзники, планы. Цель — возвести на трон сына, Марцелла.

Тишина сгустилась, как перед грозой.

Луций Элий Сеян стоял неподвижно, только голова на длинной тонкой шее чуть покачивалась, как у черепахи, высунувшейся из панциря. Маленькие серые глаза бегали по лицу императора, отслеживая каждую морщину, каждое движение бровей, каждое сокращение желваков.

— Это почерк Секста, — сказал Октавиан. Голос не дрогнул. — Я знаю его. Мы вместе учились у Аполлодора Пергамского. Он писал так же сорок лет назад. Та же наклонная буква «А», та же хвостатая «R».

— Это подлинник, Цезарь, — кивнул Сеян. — Я проверил.

— Откуда он у тебя?

Сеян помедлил — ровно настолько, чтобы пауза выглядела естественной, не слишком долгой и не слишком короткой. Пальцы руки сложились в обвиняющем жесте.

— Свиток подбросили сегодня на рассвете. Анонимно. Некий вольноотпущенник оставил сверток у ворот претория и тотчас скрылся. Мои люди бросились вдогонку, но догнать не сумели.

Октавиан долго молчал и думал. *Племянник. Племянник предал! Мерзавец! Никому! Никому нельзя доверять!*

Он поднял глаза на подчиненного. Под тяжелым, почти физически ощутимым, словно удар, взглядом цезаря, Сеян судорожно сглотнул горький ком в горле.

— Кто направил этого вольноотпущенника, есть ка-

кие-либо сведения?

- Мы выясняем, Цезарь, — поспешил с ответом Сеян. — Я докладываю лишь то, что известно доподлинно. Но расследование, сами знаете, дело тонкое... Ручаться, что мы отыщем отправителя, не берусь.

Октавиан молчал долго. Лицо Сеяна оставалось непроницаемым — только пальцы, сжатые в замок, беззвучно хрустнули суставами, разжимаясь и сжимаясь вновь — единственное движение, которое он не мог контролировать, даже когда стоял перед лицом гневного императора.

«Марцелл. Сын Октавии. Он знает о заговоре? Или его просто используют?» — Октавиан на мгновение позволил себе сомнение, но сразу же подавил его.

А следом прошла другая, более холодная мысль, которую Октавиан никогда не проговаривал вслух, но чувствовал всем существом: *«Ради Рима и его спокойствия я буду безжалостен даже к собственной крови!»* В этой мысли помимо страха перед заговором было и искреннее стремление избежать новой гражданской войны, которую он прекратил, залив кровью граждан Рима и поклялся не допустить, даже ценой смерти близких.

А в голове Сеяна, пока император мучительно размышлял, мелькнуло другое, запретное видение. Он представил себя не в темной тунике, а в алой императорской тоге с широкой пурпурной полосой. Тога тяжело ложилась на плечи, золотая пряжка с лавром украшала пояс. Рядом — никого.

Только сенат внизу, склоненный перед ним. «Когда-нибудь», — подумал Сеян, стирая усилием воли заманчивое запретное видение.

— Марцелл знает о заговоре? — спросил Октавиан наконец.

— Доподлинно неизвестно. — Сеян покачал головой, голова на длинной шее качнулась плавно, как у змеи, оценивающей дистанцию смертоносного прыжка. — Письмо, которое мы перехватили, адресовано военачальникам и сенаторам. Марцелл нигде не упоминается как соучастник. Только как цель — он тот, для кого все затевается.

— Он ничего не знает, — утвердительно произнес Октавиан. — Марцелл не способен на заговор. Я знаю его. Он — хороший юноша и верно служит Риму. Он не способен предать.

— Твое слово — закон, Цезарь, — склонил голову Сеян и подумал: «Доверять — это непростительная для правителя слабость!».

— Но Аппулей — предал. И если он успеет...

— Что ты предлагаешь? — перебил Октавиан и поморщился.

Кряжистое тело Сеяна в темной тунике напряглось — не от страха, от готовности.

— Казнить Аппулея публично. Как предупреждение остальным.

— Публично? — Октавиан усмехнулся. — Он — консул.

Он — мой племянник. Он — сын Октавии Старшей, сестры моего отца. Если я казню публично — сенат подумает, что я сошел с ума. А Рим подумает, что начались новые проскрипции. Ты что, хочешь зажечь новую гражданскую войну, Сеян?

— Ни в коем случае! Я только хочу твоей безопасности, Цезарь, и мира в городе, — склонил голову Сеян, чтобы император не увидел вспыхнувших глаз.

— Тогда предложи другое решение.

Тишина вернулась.

— Тогда тайно казнить, — произнес Сеян. — Пусть Аппулей просто тихо угаснет. Скажем — не выдержало сердце. Он не молод; кому придет в голову разбираться?

— А как поступить с Марцеллом?

Сеян наклонил голову к правому плечу — жест, который делал его похожим на принимающую к следу куницу.

— С Марцеллом непросто, Цезарь. Его любят. И плебс, сенаторы. Оставь его в Риме, и рано или поздно найдется тот, кто прикроется его именем. Даже если сам он чист. Даже если ни о чем не догадывается.

— Я отправлю его... — задумчиво произнес Октавиан. — Куда-нибудь далеко. Так далеко, чтобы он не мог вернуться. Но не в тюрьму — он не заслужил тюрьмы.

— Куда, Цезарь?

Октавиан поднялся из-за стола. Неторопливо подошел к висевшей на стене между бюстами карте. Карта охватывала

весь известный мир — от Британии до Индии, от Дуная до Нила. Провел пальцем по Италии, по Иллирику, по Паннонии, вверх на север, там, где земля заканчивалась и начиналось море. Остановился.

— Глезария, — сказал, не поворачиваясь. — Фактория на Балтике. Торговый форпост на самом краю земли, в вендских землях. Там царят холод, густые туманы и непролазные болота. Он будет там наместником. Формально это повышение. А по сути — ссылка.

— А если он откажется?

— Не откажется, — повернувшись, покачал головой Октавиан. — Он — римлянин из славного рода и выполнит приказ своего Цезаря.

Он вернулся к столу, сел в обтянутое ярко-алым тирским пурпуром кресло. Руки уверенно легли на подлокотники с черепаховой инкрустацией.

— Хорошо... — Октавиан помолчал, собираясь с мыслями. — Аппулея — отравить. Пусть скажут — сердце не выдержало. Марцелла... назначить наместником Глезарии. Дать ему эскорт — тридцать преторианцев. Отъезд — сегодня же.

— Obsequium, Цезарь, — Сеян прижал руку к груди в знак повиновения, помедлил и прибавил осторожно: — Но есть еще один вопрос, Цезарь. Легат Тарраконской Испании, тот, кому Аппулей писал... он может узнать, что письмо перехвачено. Испугается — и тогда...

— Легат умрет позже, — перебил Октавиан, не дав закончить. — Не сейчас. Пока он полезен — пусть живет. Как только станет обузой — умрет. От болезни как Аппулей.

Голова на длинной шее Сеяна качнулась еще раз.

— *Obsequium*, Цезарь. Все будет в точности исполнено.

Он повернулся, чтобы уйти.

— Сеян, — окликнул Октавиан.

Префект остановился, повернулся. На лице застыло всегдашнее выражение готовности исполнить — ни тени сомнения, ни вопроса, только выверенная маска человека, который привык не обсуждать приказы, а выполнять их.

— Марцелл не должен ничего знать, — сказал император.

— Ни о заговоре. Ни об отце. Ни о том, что это не повышение, а ссылка. Пусть верит, что служит Риму. Это все, что я могу для него сделать.

— Будет исполнено, — ответил Сеян.

Он вышел. Дверь закрылась с глухим стуком.

В коридоре Сеян остановился. На мгновение — только на мгновение — позволил себе едва заметно искривить губы в ухмылке. *Марцелла отправят в ссылку. Аппулей умрет. Все по плану...*

Октавиан остался один, под мертвыми взглядами мраморных бюстов.

Опустил взгляд на письмо Аппулея. Глаз нервно дернулся.

Он поднял свиток и поднес к лампе. Огонь нехотя лиз-

нул, пергамент пожелтел, почернел и скрутился. Пепел, кружась, упал на черно-белую мозаику. Когда император удалится, раб сметет его тряпкой, не зная, что это — останки заговора, только что убившего двух человек. Одного — быстро, от яда. Другого — медленно, от холода и тоски по родине.

Он откинулся в кресле, закрыл глаза.

Тяжела ноша автократора...

За занавесом из темно-синего шелка, за проходом в личные покои, кто-то стоял и слушал. Сеян знал это. Октавиан тоже знал. Но сегодня никто не хотел проверять, кто там.

Тишина гулкая, пустая, мертвая давила.

Лампы беззвучно коптили, распространяя запах горящего оливкового масла.

Октавиан потянулся к колокольчику, но не позвонил. Передумал.

Двумя днями раньше. Ночь.

Сто двадцать три ступени вели вниз жену императора Ливию Друзиллу.

Две недели назад она приказала переоборудовать подвал загородной виллы под храм полузабытого бога — Тиамат. Мать бездны, ее еще так звали, не призывали многие века.

Ноги ступали медленно и осторожно. Стертый веками туф под ногами скользил. Она шла босиком — сандалии остави-

ла наверху, у дубовой двери, которую никто не открывал. Рука, сжимавшая факел, дрожала. Пламя судорожно металось на сквозняке, бросая странные блики света и вырывая из тьмы клочки пространства — ступень, стену, потолок, снова ступень.

Позади подозрительно зашуршало. Она замерла. Показалось? Это все проделки вездесущих крыс? А может...Так и хотелось обернуться, посмотреть, что там сзади? На миг показалось, что там раздаются тяжелые шаги и хриплое, запыленное дыхание.

Пальцы свободной руки судорожно сжимали плащ, комкали ткань, разглаживали, снова комкали — механически, безотчетно, словно амулет.

Ливия сглотнула, промочила пересохшее горло. Живот скрутило тугим узлом — не тошнота, не голод - страхом, свернувшимся клубком где-то под ребрами. Она не боялась темноты. Она боялась того, что ждало внизу.

Сырость липла к щекам, холод поднимался от камня, холодил ступни ног, забирался под плащ.

Сто тысяч сестерциев — столько она отдала египетскому жрецу за свитки с ее именем. Тогда казалось, что это много. Теперь, здесь, внизу — ничтожно мало.

Она двинулась дальше.

Никто не знал об этой лестнице. Никто не спускался кроме нее и двоих самых доверенных слуг.

Раньше.

Сегодня она спускалась одна.

Первый раз — одна.

Ноги ступали по ступенькам медленно и осторожно, словно опасаясь резким движением или шумом пробудить нечто древнее и таинственное, спрятавшееся внизу. И казалось, что там, за пределами узкого светового круга, неосторожного поджидало древнее ЗЛО.

И так оно и было.

Ступень. Еще одна. Факел выхватывал из тьмы красные прожилки в камне, словно щупальца неведомых подземных чудовищ. Капли влаги сочились по базальту, собирались в мокрые дорожки.

Кап. Кап. Кап. — рвало в клочья звенящую тишину.

Ливия считала удары сердца. Один удар — одна ступень. Сто тринадцать. Сто четырнадцать. С каждым шагом решимость затапливала страх, как вода заливают угли в потухающем костре. Оставляла тлеющий красный уголек где-то глубоко под ребрами. Сто двадцать три — последняя.

Лестница закончилась. Коридор тянулся узкой кишкой, стены сужались, воздух стал плотнее, тяжелее. Запах сырой земли смешивался с железным привкусом на языке.

Она думала, что знает страх. Теперь поняла: страх — это когда не знаешь, ответит ли та, кого зовешь.

Ливия прошла по нему, и зал раскрылся пастью.

Потолок терялся в темноте. Стены базальтовые, изрезанные красными прожилками — венами земли. Пол с выбои-

нами, в которых веками стояла черная вода.

Она шагнула вперед. Под босой пяткой что-то хрустнуло. Она вздрогнула, замерев, опустила взгляд.

Огонь факела выхватил из густой тьмы череп. Человеческий и, судя по всему, женский - с тонкими скулами, с целыми зубами. Расколотый с левой стороны — удар тупым предметом. Тот, кто лежал здесь до нее, умирал долго.

Ливия осторожно перешагнула через кости. Сердце билось быстрее, но лицо оставалось бледным — только глаза расширились, да холодный пот холодил спину под плащом.

Факел выхватил из тьмы раскрытую пасть или готовые принять жертву сложенные ладони - глыбу из отполированного до зеркального блеска черного базальта. Алтарь. Поверхность иссечена темными, въевшимися в породу разводами, которые тянулись от краев к центру, словно следы высохших рек. И Ливии вдруг пришло в голову, что это не трещины и не прожилки — это впитавшаяся тысячелетия тому назад в камень кровь. Много крови. На плоской вершине алтаря, там, где приносились жертвы, изображение семиглавого дракона — такого же, как на стене за алтарем, только меньше, но не менее ужасного. Чешуя проработана с одержимой тщательностью, семь голов смотрели в разные стороны, и из каждой пасти, казалось, до сих пор сочилась невидимая, но осязаемая тьма. Глаза дракона выложены кусочками янтаря и рубина, и в свете факела они горели — желтым и красным, — словно живые.

Она опустила взгляд. У подножия алтаря скорчившись, словно пойманный зверек, мелко дрожала рыжая рабыня-гречанка, на вид лет семнадцати-восемнадцати. Сквозь дыры в разорванном хитоне, который висел на теле жалкими, грязными лохмотьями, виднелись синяки на ребрах, следы пальцев на плечах. Темные пятна на животе — вчерашние, желто-зеленые по краям и свежие, фиолетовые, в тех местах, где девушку хватали и бросали на каменный пол. Кляп — грязная, вонючая тряпка, завязанная на затылке — впитал слюну, смешанную с кровью из разбитых губ. Глаза безумные — расширенные зрачки, белки в красных прожилках.

Девушка забилась - гречанка догадывалась, что ей предстоит.

Тонкие, пеньковые, рыжевевшие свежей кровью веревки впились в запястья связанных за спиной рук.

Ливия смотрела на дракона на стене, и дракон смотрел на нее. Семиглавый. Семь пастей, готовых раскрыться.

Семь черепов. Один старый, желтый в мелких трещинах, похожих на паутину, небольшой – то ли детский, то ли женский, вызывал омерзение и жалость одновременно. В затылке зияла аккуратная, ровная дыра, пробитая, должно быть, узким, как шило, предметом. Другой крупный, видимо мужской с выбитыми передними зубами, еще пять без челюстей, рассыпающиеся от времени, с выщербленными краями, с осыпающейся костной трухой, стояли полукругом между по-

темневшими от времени бронзовыми чашами.

Она разожгла свечи. Черный воск, синее, холодное, словно смерть, пламя. Свет падал вверх, на потолок.

Ливия достала бронзовый, с позеленевшей от времени рукоятью, искусно вырезанной в виде свернувшейся в кольцо змеи ритуальный нож. Ему было много тысячелетий, и пользовались им еще жрецы древнего народа шумер, когда Тиамат - прародительницу чудовищ, Мать бездны, почитали и боялись.

Ливия провела пальцем по острию, которое не блестело, а словно впитывало свет. Кровь выступила на подушечке — она не почувствовала боли. Страх притупил все, кроме слуха. «Бам, БАМ» — гулко билось ее сердце.

Ливия подошла к жертве.

С животной силой, просыпающейся перед лицом смерти даже в слабом существе, девушка задержалась. Ногти скребли по камню, оставляя темные, влажные полосы крови. Рот под кляпом раскрывался и закрывался, издавая звук — что-то среднее между шипением и молитвой. Попыталась встать на колени. Ноги ее скользили по базальту, подошвы, стертые в кровь, не находили опоры, но она все равно пыталась.

Лицо Ливии отвердело. Схватила жертву за волосы и потянула, открывая тонкую шею. Лицо рабыни стало белым, словно снег на далеком, варварском севере. Ливия посмотрела в ошалевшие, круглые от смертельного ужаса глаза.

— Тиамат, — прошептала, отведя взгляд на изображение

на стене. — Мать бездны. Прародительница чудовищ, прими мою жертву.

Нож, словно в масло, вошел в горло. Хлынула кровь.

Невнятный булькающий хрип и следом, дробно, часто, как удары градин по черепичной крыше и страшно, застучали босые пятки о каменный пол. Биение в агонии умирающего тела. Ливия отшатнулась, потом, зло сжав губы, придвинулась ближе.

Жертва обмякла, запрокинутая назад голова ее, смотрела в потолок пустыми, ничего не видящими глазами.

Ливия наклонила голову рабыни над алтарем, подставила открытую рану над первой головой дракона, что смотрела на восток. Темная, почти черная кровь хлынула на черноту базальта, залила янтарный глаз, потекла по чешуе, собираясь в темные лужицы в углублениях резьбы. Камень зашипел. Он впитывал. Голова дракона мигнула, зажмурилась, открыла глаз уже не янтарный, а красный, словно рубин.

Темно-красная струя наполнила семь чаш, залила черепа, подтекла на пол.

— Прими эту кровь как семя, Тиамат, Мать вод, — прошептала Ливия. — Очисти для моего сына Тиберия дорогу к трону Рима.

Ливия увидела взгляд мертвых глаз. Вздогнула и торопливо отбросила тело. Мертвое тело упало в черепа — кости захрустели, женский череп, с тонкими скулами, треснул, раскололся на две половины.

Ливия подхватила неожиданно тяжелое тело под мышки, поволокла вглубь подземелья. К колодцу Забвения. Узкая расщелина в полу пахла гнилью и тысячелетиями. Тело беззвучно рухнуло вниз, ударилось о стены.

Приглушенное «шлеп» - тело упало на дно.

Тишина. Ни звука. Ни шороха.

Семь синих огоньков свечей на миг исчезли — и вспыхнули снова. Без огнива и трута.

Дракон на стене ожил. Белые как мел губы кривились в беззвучных рыданиях.

Семь голов плавно, медленно, словно пробуждающейся от спячки змеи, повернулись к Ливии. Чешуя зашевелилась, янтарные глаза вспыхнули, рубиновые зажглись изнутри.

Голос пришел из стен. Из земли. А возможно, из воздуха или пустоты над алтарем.

— Жертва принята, смертная. - Прогремел голос толи из недр земли, толи из бездны небес.

Ливия рухнула на колени. Плащ распахнулся, обнажив плечи. Холод, древний как само время, прошел по коже, но она не посмела пошевелиться.

— Хаос восстанет из пепла забвения, — снова сказал тот же голос. — Жди знака моего.

Свечи мигнули. Синее пламя стало желтым, потом красным.

Ливия осталась одна.

Она сидела на коленях, прижимая к груди окровавленный

нож. Пальцы липли к рукояти. Дрожь прошла — сменилась ледяным спокойствием.

Поднялась и подошла к алтарю. Провела пальцем по черноте базальта — там, где только что была кровь.

Сухо и чисто.

Камень впитал все.

— Utile, — прошептала Ливия. — Полезно.

Ладонь разжалась. Упал на камень нож. Звякнуло.

Она все же сделала это! Она решила! Так нужно! Так нужно! Для сына я готова на все!

Лицо сына — угрюмое, напряженное, с тяжелой челюстью и носом с горбинкой — встало перед глазами, перекрывая совершенную темноту подземелья. «Тиберий», — пронеслось в голове, когда ноги уже несли ее к выходу. «Все это ради тебя. Только ради тебя, мой мальчик. А я — чудовище. Настоящее чудовище».

Она и раньше убивала, но чужими руками. Яд в кубке. Нож в подворотне. Но чтобы собственной рукой — никогда. До этой ночи.

Она побежала к выходу. Быстрее, быстрее! Сто двадцать три ступени вверх — факел выхватывал из тьмы маленький круг света. Чернильные тени на стенах тянулись следом — смотрели, ждали, лизали следы ее ног. Потом коридор с голыми каменными стенами. Дверь.

Все, выбралась в коридор! Тускло отсвечивал канделябр на столике. Она стояла, держась за стену. Изо рта вырыва-

лось тяжелое дыхание, сердце заполошно билось в груди, успокаиваясь.

В спальне было холодно, хотя ставни были заперты - Ливия не любила, когда кто-то видит ее спящей. Ровное, желтое пламя в светильниках с китовым жиром на стенах, выхватывало из сумрака пол из черно-белого мрамора с мозаикой с охотницей Дианой. Потолок с лепниной, в центре — голова Юпитера. Белые, слепые глаза бога смотрели вниз, на постель. Кровать стояла на трех ступенях из нумидийского мрамора. Ложе широкое, но Август ночевал здесь редко. У изголовья — полка с ларцами и бронзовым зеркалом. На полу — медный таз с пеплом сгоревших бумаг. Справа от двери — алтарь, за ним — проход в тайную комнату со свитками. Четыре рабыни спали за запертой изнутри дверью.

Она не доверяла никому. Даже себе.

Ливия затушила светильники. Оставила один — бронзовый, в виде свернувшейся змеи над кроватью. Легла поверх одеяла, не раздеваясь, и закрыла глаза.

Провалилась в сон мгновенно.

Ливия застыла на берегу моря, где не было ни горизонта, ни конца. Вода, черного цвета, была неподвижной, словно стекло: ни волн, ни малейшего шевеления. Она ждала.

Из воды поднималась Тиамат. В этот раз она приняла облик не дракона — а прекрасной женщины. Лицо, с совершенными чертами, белоснежное, словно мрамор. Черные волны волос застыли на плечах. Глаза — бездны без зрачков. Из

спины прорастали семь змей, они тихо шипели, качаясь над головой. Быть может, говорили на своем языке?

Ливия не чувствовала страха. Только пустоту в груди. Быть может, это и позволило стоять, а не биться в истерике?

Язык, раздвоенный, словно у змеи, облизал ярко-алые губы богини. Мертвенная улыбка, или, скорее оскал, искривил их.

— Ты просила смерть наследника, смертная, — прозвучало из воздуха, из глубины вод, из самой бездны. — Хаос — вот что даю я тебе. Он страшнее смерти, он не дает покоя даже в могиле.

Змеи зашевелились, их шипение стало песней, древней, как мир.

— Письмо, что обрешь — дар мой. Прими его, но помни: хаос взывает плату. Неизбежную и вечную.

— Тиамат, та, что родила всех, какую плату? — спросила Ливия.

— Не вопрошай, смертная. Ты все узнаешь, когда придет срок и ни мгновением раньше.

Семь пар желтых глаз, холодных и немигающих, не отрывались от императрицы.

— Сын твой станет Цезарем. Но в сердце его никогда не будет места любви. И таков будет удел всех твоих потомков.

— Я согласна, та, что родила всех, — склонила голову Ливия.

Тиамат кивнула. Семь змей вытянулись, коснулись лица

Ливии. Их прикосновение было холодное, сухое, словно прикосновение самой смерти. Она содрогнулась, словно от смертоносного укуса египетской кобры.

— Забавно, — вдруг произнесла Тиамат. Голос — как шепот ветра над пустыней. — Из-за жалкого смертного, чья жизнь — миг, вот-вот схлестнутся в битве боги Рима и славянские боги.

Ливия подняла голову. Удивление, мгновенное, как вспышка молнии, промелькнуло на бледном лице, стерло маску спокойствия. «О чем она? Какие боги?»

— Что ты сказала, та, что родила всех? — спросила она. Голос дрогнул впервые за эту ночь.

— Забудь сказанное. То, что доступно взору богов, не для смертных умов.

Тиамат повела ладонью перед лицом Ливии — плавно, как отгоняют дым. Воздух колыхнулся, стал теплым и тяжелым, как перед грозой. Только что родившаяся мысль угасла, не оставив следа. Ливия моргнула. На миг ей показалось, что она забыла что-то важное. Но через мгновение пустота заполнилась тишиной, и она не стала искать пропажу.

— Тогда прими дар мой, — сказала Тиамат, будто и не прерывалась.

Ливия проснулась, глаза открылись. В окно заглядывала ночная тьма. Пламя светильника на стене колебалось, выхватывая из тьмы узкий круг вокруг кровати. Углы комнаты тоновили в первобытной тьме.

Грудь дышала часто. Холодные капли пота стекали по шее на подушку. Темно-рыжие, почти медные волосы рассыпались по плечам. Она машинально собрала непослушные пряди в строгую прическу с пробором посередине.

Она повернула голову и вздрогнула. На подушке для супруга белел свернутый в свиток пергамент. Печать сломана. Кем? Когда? Ливия не знала. Она знала только, что этой вещи здесь не было, когда ложилась спать.

Босиком, в одной ночной тунике, обежала спальню. Окна и дверь заперты. Никто не входил. Никто не мог войти. И все же свиток лежал на подушке.

Ливия осторожно — пальцы дрожали, взяла свиток и пробежала текст взглядом. Несомненно, почерк Секста Аппулея — наклонная «А», хвостатая «R».

«Легат. Цезарь Август стар и болен. Его время уходит. Мой сын Марцелл — прямой наследник его крови. Когда Октавиан умрет (или мы поможем ему в этом), я поставлю Марцелла на трон. Ты поддержишь нас? Твоя награда — Паннония как твое частное владение. А если откажешься, я расскажу Цезарю о твоих темных делах с германцами. Жди дальнейших указаний. Аппулей».

Как? Как она достала такое письмо — фактически смертный приговор для Секста? Хотя, о чем я? Для богини нет ничего невозможного!

Ливия улыбнулась. Тиамат дала ей не смерть, а хаос. Не убийство, а заговор.

«И родились у него сыновья, и внуки, и правнуки. И так продолжалось четырнадцать колен в той земле Прусской, и все они помнили, что род их ведется от Августа-кесаря. И в четырнадцатом колене от того Пруса родился князь Рюрик».

Откуда пришли эти строки? Ливия не знала. Они всплыли из глубины памяти, чужие, не ее, и угасли, не оставив следа.

Свернула свиток и спрятала в ларец с двойным дном.

Легла. Закрыла глаза.

«Тиберий... все ради тебя».

До рассвета она так и не спала. Слушала, как за стеной скрипят половицы. Как бьется собственное сердце — ровно, спокойно.

Тот же день. Дворец Октавиана, трапезная. 23 год до н. э.

Утреннее солнце лилось из сада сквозь три арочных окна. Желтые прямоугольники света падали на мозаичный пол — рыбы, дельфины, Нептун с трезубцем. Стены украшали фрески с полуголыми нимфами и кипарисами, между ними — тонкие колонны из нумидийского мрамора. Кусты роз пахли сладко, смешиваясь с ароматом свежего хлеба.

Стол из лимонного дерева стоял между двумя ложами. На серебряных блюдах — фрукты, сыр, хлеб с тмином. Глиняные кубки с вином и медовый кувшин. Раб-виночерпий за-

стыл в углу.

Август лежал на правом ложе — головой к окну, лицом к Ливии. Ливия — на левом, напротив. Она улыбалась мужу. Но никто не знал, о чем она думала на самом деле.

За окнами пронзительно закричал павлин. Ливия бросила беглый взгляд в сторону звука и едва заметно поморщилась.

Тишину прерывал только негромкий звон ложек о серебряные блюда.

Август жевал медленно, смотрел на Ливию, улыбался. Ливия ответно улыбалась. Она давно перешагнула сорокалетний рубеж, но выглядела гораздо моложе, сохраняя аристократическую худобу и прямую осанку.

Она была не просто супругой, но и важным политическим советником императора, влияла на государственные дела, участвовала в дипломатических переговорах и покровительствовала многим.

Октавиан отпил из серебряного кубка, поставил на стол. Взгляд скользнул по лицу жены, задержался на темных кругах под глазами, на бледности губ. У супруги был усталый вид.

— Ты плохо спала, милая? — спросил он.

— Сон дурной, милый, — ответила Ливия. Надкусила фи-гу, отложила на край золотого блюда и аккуратно зевнула в ладонь. — Пустое, не обращай внимания. У нас — женщин, бывает такое!

Октавиан кивнул.

— Мне тревожно последнее время, — его брови сдвинулись, сомкнулись гусеницей. — Сам не знаю почему. Но сердце не на месте.

Ливия глянула в лицо мужа — уловила сухой и тревожный блеск его глаз.

«О да, — подумала Ливия. Пальцы стиснули край стола, хотя на лице оставалась маска доброжелательного внимания. — И скоро твоя тревога обретет плоть».

Лицо ее — с четкими скулами, тонкими губами, высоким лбом — редко выражало эмоции.

Она улыбнулась — мягко, спокойно. Протянула руку, налила из кувшина в его кубок молока, потом из другого — меда. Размешала серебряной ложкой-лигулой, звякая о края, и протянула кубок Октавиану. Снова с удовлетворением и тайной радостью Ливия отметила равнодушный взгляд, которым он скользнул по ее фигуре. Подобные взгляды мужчин не всегда выражают то, о чем думают женщины, но все же. Все же...

— Тебе показалось, дорогой, — голос Ливии ровный, ласковый. — Выпей меда с молоком. Это успокоит.

Никто не видел ее в гневе. Она не кричала, не бросала вещи. Улыбалась и говорила ласково, даже подписывая смертный приговор. Октавиан этого не замечал.

Октавиан взял кубок, отпил. Кивнул.

— Может быть, ты права, — сказал он. — Может быть, мне показалось.

Он откинулся на подушки и посмотрел в окно. Голубое небо с россыпью пушистых облаков над качавшимися на ветру кипарисами. Солнце играло в прозрачных струях фонтана, и казалось, что вода светится изнутри. Повернулся.

— Марцелл... — произнес негромко. — Что ты думаешь о Марцелле?

— Он молод, — ответила Ливия, не отводя зеленых, словно у ведьмы, глаз от задумчивого лица императора. — Честолюбив. Римский народ его любит.

— Слишком любит, — Октавиан усмехнулся, но усмешка вышла грустной. — Иногда я думаю: что будет с ним, когда меня не станет?

— Ты сам воспитал его, — взгляд Ливии стал жестким, словно прицеливающимся. — Ты же его готовишь себе на смену.

Октавиан помолчал. Взял из серебряной вазы виноградину, покрутил в пальцах, положил обратно.

— Готовлю, — кивнул. — Но готов ли он к бремени Цезаря?

«Неважно, готов он или нет, — подумала Ливия. — Важно, что он мешает мне».

Она налила себе в кубок меда. Отпила.

— *Tempus omnia revelat (время покажет, дорогой)*, — сказала, накручивая на палец прядь темно-рыжих, почти медных волос. — Время все расставит по местам.

Ливия последовательно изобразила на лице смущение и,

наконец, благожелательное внимание.

За окном снова хрипло закричал павлин. Солнце поднималось все выше, желтые прямоугольники света ползли по мозаичному полу.

Ливия смотрела на мужа и ласково улыбалась.

Глава 2

**Загородная вилла Ливии на *via Flaminia*, кабинет.
Та же ночь. За час до полуночи.**

Кабинет прятался в глубине виллы, за спальней, за тяжелым занавесом из черной шерсти. Филокл бесшумно, словно бесплотная тень, прошел, немного прихрамывая, через три комнаты.

Остановился перед открытой дверью так, чтобы его было видно. Замер, ожидая.

Жена императора сидела за столом из драгоценного нумидийского мрамора, положив ладонь в углубление в виде руки. На столе ничего — только свиток, запечатанный черным воском, и бронзовая печатка. «Марцелл должен умереть, — подумала она, холодно глядя на черный воск. — Никто и ничто не должно закрывать от сына путь к императорскому трону».

Ливия почувствовала чужой взгляд и подняла глаза от свитка.

Филокл, огромный, как портовый кран, широкий и длиннорукий, с волосами цвета высохшей земли, ждал в дверном проеме. На лице цвета выжженной земли почтение. Глаза прищурены — куда смотрят, непонятно, но все видят.

— Входи, Филокл, — нетерпеливо махнула головой Ли-

вия.

Мужчина шагнул внутрь и коротко поклонился. Дверь за ним закрылась сама — или он закрыл ее движением локтя, не оборачиваясь.

— Филокл, — Ливия подняла глаза. Зеленые, холодные, они не моргали, глядя на верного слугу, которому доверялись самые деликатные задания. — Сколько лет ты мне служишь?

Филокл отвел глаза. Мало было тех, кто мог вынести взгляд немигающих глаз августы, когда она этого хотела.

— Десять, августа, — голос низкий, скрипучий, как несмазанная дверь. Он словно выцарапывал их из горла по одному, с паузами.

— Десять лет, — повторила Ливия. — Я спасла тебя тогда. Тебе повредили сухожилия на правой ноге и хотели убить как негодный товар. Ланиста (*хозяин гладиаторской школы*) не мог смотреть на хромца. Я заплатила тысячу сестерций... — Она помолчала. — Ты помнишь?

— Помню, августа. — коротко наклонил голову мужчина. — Я вылечился.

— Мне не нужна благодарность. Я ожидаю преданной службы.

Ливия взяла свиток со стола, протянула Филоклу. Тот наклонился. Огромная ладонь — широкая, как весло — взяла свиток бережно, кончиками пальцев, словно птенца.

— Отвезешь легату Паннонии, — сказала Ливия. — и от-

дашь лично в руки. Скажешь его слугам: «Снега на Альпах выпали рано» и тебя примут в любое время. И дождешься ответа.

Филокл кивнул. Коротко. Как зарок.

Ливия поднялась. Она одевалась изысканно, но без излишеств — темные тона, синий, зеленый, черный. На шее поблескивало подаренное Августом ожерелье из крупного жемчуга. Сопровождаемая непроницаемым взглядом Филокла подошла к жаровне — бронзовой, на львиных лапах, внутри пламенели угли, пахло миррой и чем-то сладковато-пряным.

Тишина в кабинете стала плотной, словно черная вода в колодце.

— Августа, — сказал Филокл. Его голос был хриплым. — А если...

— Молчи! Тебя не поймают, - перебила императрица. Лицо у нее стало злым, словно она на миг сняла приросшую к коже маску доброжелательности.

Ливия шагнула к мужчине. Подняла лицо — ей пришлось запрокинуть голову, чтобы смотреть в прищуренные глаза.

— Если ты попадешься, то умрешь раньше, чем успеешь что-либо рассказать, — сказала она спокойно и ровно. Словно о погоде. — А теперь иди и смотри, не попадись!

Филокл закаменел лицом и кивнул.

Повернулся и шагнул к двери. Дверь закрылась за ним бесшумно.

Ливия осталась одна. Перед глазами встали строки зашифрованного письма.

«Легат. Обстоятельства изменились. Цезарь отправляет Марцелла в Глезарию, на Сарматское море. Путь его будет лежать через горный перевал. В тех местах неспокойно — варвары нападают на римлян. Было бы досадно, если бы с племянником Цезаря случилась беда. Ты понимаешь, о чем я.

Позаботься об этом и получишь 1 000 000 сестерциев».
Подписи не было.

Она стояла у жаровни, смотрела на угли. Красные, тлеющие, они иногда вздыхали искрами.

— И когда вернешься, — тихо произнесла она, глядя в самую глубину жара, где, казалось, тлела не просто древесная плоть, а само время, — ты тоже умрешь.

Помолчала.

— Никто не должен знать.

Она подошла к столу. Провела пальцем по мрамору — там, где лежал свиток. Пусто. Только углубление в виде ладони, идеально черное, как сама Тиамат.

Ливия села в кресло — тяжелое, резное, с подлокотниками в виде львиных голов, — и закрыла глаза.

По стенам, по потолку, по статуе бронзового Юпитера в углу, извивались тени от трех масляных ламп. Желтый, дрожащий свет метался по темным стенам, по узким зеркалам, отражал пустоту.

За спиной Ливии большое овальное зеркало в черной раме мутило серой дымкой. Если смотреть сбоку — мелькали тени. Но Ливия не смотрела.

Поднялась и вышла. Бесшумно. Словно тень.

Она действовала тихо, но смертельно, не оставляя следов. Письмо ушло. Филокл потом исчезнет. И никто — ни раб, ни сенатор, ни сам император — никогда не свяжет эти тонкие, черные нити с ней. С женой, которая улыбается мужу за завтраком и заботливо подливает вина в кубок.

Рим, дом Секста Аппулея на Палатинском холме.

Атрий встречал летней жарой.

Италийское солнце стояло в зените и напоминало своей ненавистью ко всему живому яростный взгляд злого духа. Лучи проникали через комплювий, отражались от воды в бассейне и рассыпались по стенам, а сама вода блестела подобно расплавленному серебру. Бессмысленно и уныло журчала вода — тонкая струйка стекала из мраморного рта статуи дельфина, не умолкая ни на мгновение.

Высокие стены с фресками по мотивам греческих мифов: Гектор прощается с Андромахой. Его рука, застывшая в жесте прощания, ее мокрое от слез запрокинутое лицо и маленький сын, жмующийся к матери, не понимающий, что отца

он видит в последний раз. Ахилл, влачащий за колесницей тело Гектора: пыль, кровь, разодранная плоть и лицо убитого, в котором застыло удивление. Как будто он все еще не верит, что боги оставили его. Портреты предков — вереница лиц, вытянутых, суровых, с тяжелыми челюстями и глубоко посаженными глазами, смотревших из ниш на каждого, кто входил в атрий. Смотрели молча, осуждающе, напоминая: ты — из рода патрициев! Твое имя — твоя судьба. Четвертая стена пустая — темно-синяя краска, без росписи. Аппулей собирался украсить ее сценой из жизни Александра Македонского. Все здесь: от драгоценной мозаики и фресок до бронзовых статуй в нишах и мраморного дельфина, что ронял воду в бассейн, дышало величием, какое и подобало дому одного из высших сановников великого Рима, владыки половины Ойкумены.

Секст Аппулей стоял у окна, глядя во внутренний двор, где за стриженными кустами самшита открывался вид на сад. Кипарисы, узкие и темные, как копья застывшей армии, тянулись к полуденному небу, и ветер шевелил их кроны едва заметно, словно боялся нарушить этот порядок.

Он не жаждал власти для себя. Ему шел шестой десяток. Но годы не согнули его. Он держался прямо, с той особенной римской выправкой, которую дают только консульские фасции, командование армиями и триумфы. То, чего он достиг сам — достаточно. Он хотел другого — обеспечить будущее сыну.

В дверь постучали. Коротко и требовательно.

— Войдите, — Аппулей не повернул головы.

Гулкие, мерные шаги отдавались эхом. Каждый — словно удар молота об наковальню.

Аппулей нахмурился и резко обернулся. *Кто позволяет себе так бесцеремонно вести себя в доме консула Римской республики и племянника Цезаря Августа?*

Из дверного проема на мозаичный пол упала тень, и в следующее мгновение порог атрия перешагнул префект претория Луций Элий Сеян. Аппулей никогда не любил его. Да и большая часть Рима относилась к нему так же — боялись, но не уважали.

Вид у него был неприветливый. Маленькие, серые, посаженные слишком близко глаза пронизательно смотрели, бегая по лицу Аппулея. В облике его чувствовалось что-то от куницы и лисы — настороженная хитрость и готовность к прыжку.

В руке он держал запечатанный черным воском свиток с бронзовой печаткой. Взгляд Аппулея скользнул по ней. Зрачки сузились — он узнал печать императора. Сердце пропустило удар, потом заколотилось о ребра, глухо, тревожно, словно барабан перед битвой.

Сеян приблизился, остановился, не нарушая приличествующей дистанции. Чуть наклонил голову. Без подобострастия и без угрозы.

— Консул Секст Аппулей, — голос тихий, ровный, так,

наверное, говорил крокодил, если мог бы говорить. — Принцепс и отец отечества, Цезарь Август, сын божественного Юлия, послал меня к вам с письмом. Он велел передать его лично в ваши руки, не доверяя писцам.

Аппулей замер. *Правая рука императора - человек, которого боится весь Рим, настолько пренебрег правилами приличия? Что произошло?* Холодок прошелся по спине такой, будто сам Плутондохнул в затылок. Спрашивать причины такого поведения он не стал.

Потемнело — солнце закрыли тучи.

- Ты послан Октавианом, сыном божественного Юлия?

— Да, консул. Цезарь Август сделал меня своим вестником.

Он чуть наклонил голову и поднял раскрытую ладонь — жест, означавший: «я не вру, это правда».

Сеян протянул свиток. Протянул так, словно вкладывал в чужие пальцы не папирус, а приговор. Подписанный и заверенный. И без права на обжалование.

Правая рука Аппулея чуть дрогнула — последствия старой раны, полученной в гражданских войнах. Он сражался при Филиппах и Акции на стороне Октавиана. Аппулей принял свиток, сломал печать и развернул.

«Секст. Я знаю все. Твой заговор раскрыт. Твои письма к легату Паннонии перехвачены. Ты готовил переворот, чтобы посадить Марцелла на трон. Я не могу предать тебя публичной казни — имя Аппулеев слишком велико. Но и

оставить тебя в живых я не вправе. Прими яд добровольно — и твой сын останется жив. Он отправится в ссылку на Балтику, в Глезарию, наместником. Откажешься — вы оба умрете. Выбирай. Цезарь Август, сын божественного Юлия».

Ни единый мускул на лице Аппулея не дрогнул. Только пальцы левой руки с тяжелым золотым перстнем с фамильной печатью: скрещенные мечи и дубовая ветвь, сжались до побелевших костяшек пальцев. Мотнул непонимающе головой.

Перечитал второй раз. Третий.

Он был честен настолько, насколько может быть честен политик. Врал только тогда, когда ложь спасала жизнь. И ненавидел себя за каждую неискреннюю улыбку.

Глаза защипало, но он не дал слезам пролиться. «Марцелл... сын...»

Поднял на Сеяна тяжелый, как свинцовая плита, взгляд.

— Какого такого заговора? Какие письма? Я, клянусь Юпитером Капитолийским, не понимаю, о чем ты говоришь, — голос сорвался на хрип, но он взял себя в руки.

Не показывать страх. Не показывать!

Сеян равнодушно пожал плечами. Голова на длинной, подвижной шее мерно покачивалась.

— Речь идет о ваших письмах к легату Паннонии, консул, — голос прозвучал ровно, без единой интонации — и оттого казался страшнее любой угрозы. — Мои люди перехватили

их. Вы убеждали легата поддержать Марцелла в качестве наследника Цезаря... и сулили ему в награду саму Паннонию.

— Тогда предъявите мне их. — Аппулей шагнул вперед. Кулаки сжались. *Я ничего не писал!*

— Это не в моей власти, консул. — Сеян сделал паузу, глаза смотрели на консула с хищным любопытством. — Но сам Август, отец отечества, читал эти письма. Он узнал и твой почерк, и твою печать. — он медленно покачал головой, почти с сожалением, от которого у Аппулея свело скулы. — Подлог невозможен.

— Я ничего не писал. Я не замышлял никакого переворота! — сказал, едва сдерживая крик Аппулей. Голос его дрожал, хотя он и пытался сохранить спокойствие. — Я верен Риму. Я верен Цезарю Августу — меня кто-то оклеветал! Клянусь Юпитером Капитолийским, клянусь тенью моего отца, клянусь...!

— Цезарь Август иного мнения.

Аппулей отвернулся. *Все бесполезно — я обречен! Хотя бы сына спасти!*

— Мой сын не имеет к этому нелепому обвинению никакого отношения. Поклянись мне, Сеян. Поклянись домашними богами Цезаря, что его не тронут! — Аппулей схватил Сеяна за край туники, но тут же отдернул руку, поняв, что выдал отчаяние. Слишком поздно. Префект видел все. — Он ни при чем.

— Цезарь Август знает, что делает. — Сеян сделал шаг

вперед, нависая над Аппулеем. — Ваш сын останется жив, если вы добровольно примите яд. Иного для вас пути нет.

— А если откажусь? — голос консула упал до шепота. Внутри все оборвалось. — Я могу увидеть Цезаря? Мне надо поговорить с ним.

Голова на длинной шее Сеяна чуть качнулась. Словно у змеи перед смертоносным броском.

— Нет. Цезарь Август не желает тебя видеть. Завтра на рассвете тебя казнят — публично, на форуме, как заговорщика. А твоего сына убьют в камере во сне. И никто не узнает правды.

Аппулей пошатнулся. Смотрел в серые, близко посаженные глаза. Искал ложь и не находил. Там была холодная бездна. И смерть.

— Сколько у меня времени на раздумья? — голос сел, слова он словно выцарапывал из горла.

— Нисколько, — ровно и равнодушно ответил Сеян и чуть склонил голову к правому плечу. Этот жест делал его похожим на приноживающуюся к следу жертвы куницу. — Вы должны выпить яд здесь и сейчас. Откажетесь — завтра казнят обоих.

— Цезарь Август болен? — земля буквально уходила из-под ног Аппулея.

— Цезарь болел в прошлом месяце. Он может умереть завтра — все мы во власти богов. — Сеян помолчал. — Но я — префект претория. Я отвечаю за безопасность Рима. И

если потребуется, добьюсь исполнения воли принцепса, даже если его уже не будет.

Аппулей отдал свиток. Рука его мелко дрожала. Он почувствовал, как увлажнились глаза. Стыд обжег лицо. «Ослабли нервы! Консул — и плачет, как женщина. Марцелл... прости... Так вот она, благодарность за преданность и верную службу, Цезарь Август?» — мысль обожгла. И тут же его лицо вновь превратилось в маску.

— Марцелл не должен узнать правды. — он выплевывал слова, словно давясь ими. Каждое — как пощечина самому себе.

— Он ничего не узнает. Ему скажут — вы умерли от болезни сердца.

Аппулей закрыл глаза. Открыл и глубоко вдохнул. «Ради сына. Ради его жизни».

Гордость была его главной добродетелью и главным пороком. Он никогда не просил пощады. Никогда не унижался перед сильными мира сего. И не собирался даже сейчас.

Коротко кивнул. Судорожно сглотнул горький ком в горле.

Сеян вынул из складок туники маленькую, черную терракотовую амфору, без единого украшения. Молча протянул.

Аппулей посмотрел на него отрешенным от всего сущего пустым взором каменной бабы из далеких скифских степей, немного помедлил, взял ее.

— Вино с ядом. Смерть наступает через час. Без боли.

Аппулей откупорил пробку. Из амфоры пахнуло чем-то горьким, незнакомым. А еще смертью. Он перелил вино в кубок. Серебро блестело на солнце, словно вода в имплювии. Поднял взгляд на своего палача.

— Ты передашь Марцеллу? — слова он буквально выцарапывал из пересохшего горла.

— Смотря что именно.

— Что я любил его. И что гордился им. — Аппулей помолчал. Губы дрожали. Он закусил нижнюю и почувствовал во рту соленый вкус крови. — Что Рим не заслуживает таких, как он.

Сеян молчал. Только блеснул золотой браслет — правая рука чуть сжалась у пояса.

— Это не запрещено - передам.

Аппулей поднес кубок к губам. Пальцы тряслись. Вино плеснуло через край, красные, как кровь, капли упали на белоснежную тогу.

— Ave, Imperator, morituri te salutant! (*идущие на смерть приветствуют тебя, император!*) — сказал пустому атриуму. — Ты выиграл. Но ты никогда не будешь счастлив.

Шепотом, одними губами:

— Будь ты проклят, Август Цезарь!

Стояла густая, спокойная тишина, и неудержимо тянуло проснуться.

Он выпил яд несколькими большими глотками. Кубок выпал из ослабевших пальцев, зазвенел о мраморный пол. По-

катился, оставляя на полу кроваво-красные капли.

Сначала ничего не происходило. Потом тепло разлилось по груди. Стало жжением и поднялось к горлу, словно жидкий огонь. Мир поплыл, и стены стали мягкими. Колени Аппулея подогнулись.

Он схватился за край стола — рука соскользнула, и пол стремительно подался навстречу. Завалился на бок. Жесточайший толчок при падении на секунду вернул к действительности. Он открыл глаза и увидел в паре шагов чьи-то сандалии. Взгляд скользнул ниже — на перстень с фамильным гербом — волчицей и орлом на руке. Род Юлиев. Род, который продолжит Марцелл. «Только ты живи, мой родной», — подумал он. «Все», — змейкой скользнула облегчающая мысль, и пальцы разжались.

Сеян, с каменным лицом, смотрел, слегка прищурившись, на бившееся в агонии тело.

Взгляд Аппулея остекленел. Он затих. Удивление застыло на лице последней маской. Как будто хотел спросить: «За что со мной так?»

Сеян подошел и наклонился. Проверил пульс на шее. Ничего. Кожа уже холодела.

Он поднял пустой кубок и амфору и спрятал в складки туники. Поправил ее, стряхнув с рукава невидимую пылинку.

Его рука уже коснулась дверной ручки, когда взгляд скользнул по стене и замер. Он остановился. Из ниши на него смотрела статуя императора в образе Юпитера. Гротескная,

непомерно большая, нелепая голова, шея слишком тонкая, пустые глазницы безучастно следили за посетителями. Контраст разителен — живая, только что бившаяся в агонии плоть и мертвый, безучастный мрамор, который не знал ни боли, ни предательства, ни страха.

Сеян помедлил секунду, усмехнулся уголками губ и вышел.

Дверь закрылась с глухим стуком. Эхо прокатилось по пустому помещению, замерло где-то под высоким потолком.

Журчал дельфин. Солнце стояло в зените. Расплавленным серебром в имплювии блестела вода.

Тело покойного консула лежало на мраморном полу, и брызги отравленного вина из упавшего кубка впитывались в белый камень. И статуя все так же пусто, безучастно смотрела в никуда огромными мраморными глазами.

О том, что Аппулей умер, Ливия узнала через час — ей донесли верные люди.

Аппулей ни в чем перед ней не провинился. Никогда не переходил дорогу, не строил козней, не плел интриг. Он просто был отцом Марцелла.

Она помнила обиды годами. И не прощала никогда.

Мстила через десять лет, когда жертва уже забывала о проступке. А иногда — и вовсе без обиды. По расчету. Теперь очередь была за сыном.

В это же время.

Марцелл открыл дверь и вошел в палестру (*открытая площадка или двор для гимнастических упражнений и спортивных тренировок*) при дворце отца – Секста Аппулея. Здесь все было иначе, чем в остальной части здания: голые стены, дощатый пол, исцарапанный сотнями тренировок и воздух, пропитанный запахом пота, оливкового масла и старого дерева. Не терпевшая излишеств римская суровость.

Следом вошел Тит Флавий по кличке Урсус, огромный, кривой на один глаз, с руками в шрамах от вражеских мечей. Ежедневные тренировки с гладиусом, пилумом и в борьбе позволили ему остаться могучим бойцом, способным на равных драться сразу с несколькими противниками.

Юноша неторопливо прошел в угол, куда не доставали заливавшие пол солнечные лучи. Остановился перед столом и поднял с него деревянный меч – *rudis*, а с подставки большой римский щит. Покрутил им в руке, пробуя баланс. Удовлетворенно кивнул и вышел на середину палестры.

Урсус пружинисто-скользящей походкой вошел следом, поднял второй меч и взял в руку щит.

- В бою ты должен быть быстрым в обороне и нападении, словно лев, – продекламировал он. – Ну что, молодой господин, готов?

«Бам» - Марцелл с легкой улыбкой ударил в знак шутилого приветствия мечом по щиту. Улыбнулся с ехидством наставнику в фехтовании и телохранителю.

- Клянусь Поллуксом, я всегда готов, дядя!

Когда Марцелл повзрослел, он узнал историю жизни своего наставника в воинском деле. Урсус служил в армии и дослужился до центуриона. После выхода в отставку вернулся в родные края. Через год на него донес сосед — потом суд, конфискация имущества. Урсус потерял все: землю, дом, накопления за двадцать лет службы. Секст Аппулей, проезжая через город, узнал о воине, который когда-то спас на германской границе обоз его легиона. Он разобрался в деле, вытащил Урсуса из долговой ямы и дал работу в своем доме. Урсус запомнил: Аппулей не отвернулся, и ветеран служил его наследнику преданно. Долг есть долг, и его надо отдавать.

Урсус скользяще шагнул вперед, одновременно прикрываясь щитом.

Марцелл с похвальной быстротой ударил – тук, и тут же отдернул клинок в защитное положение.

Урсус в последний момент скруткой таза ушел с траектории удара - деревянный клинок пролетел мимо защищенной толстой курткой из буйволово́й кожи груди.

– Неплохо. Со скоростью все в порядке, – учитель шагнул назад, прикрываясь щитом. – Но ты полностью открылся для удара снизу.

Марцелл с досадой сжал губы и отступил сам. Если он ко-

го любил и доверял, кроме кровных родственников, то Урсуса. Ветеран воспитывал и учил его с детства, и Марцелл еще мальчишкой называл его «дядей».

- Был бы ты моим сыном, я бы высек тебя за небрежность, - продолжил Урсус, обходя поворачивающегося вслед за ним ученика по кругу. И Марцелл услышал в его голосе едва заметные нотки тоски. Собственные сыновья Тита Флавия как раз были бы его ровесниками, но боги так и не дали ему их. - Ты способный ученик, но я тебе уже много раз говорил, что, даже на тренировке, ты не должен никогда забывать о защите. Клянусь Юпитером, небрежность в бою стоит жизни!

- Просто я сегодня не в настроении, - буркнул Марцелл.

- Не в настроении?! - голос Урсуса выдал возмущение.

- А при чем тут настроение, господин? Сражаться нужно, когда на тебя нападают, — и плевать на настроение! Какое настроение может быть в бою?

- Извини, дядя. Я не прав.

- Что-то я не вижу у тебя раскаяния!

Урсус полуприсел с выставленным в руке гладиусом и щитом в левой руке. Меч он держал чуть приподнятым.

- А теперь защищайся по-настоящему!

Марцелл посерьезнел - Урсус не бросал слов на ветер.

Они кружили: выпад и парирование, выпад и контрвыпад. Тяжелое дыхание рвалось из груди, смешиваясь с ритмичными ударами стали о дерево — тук, тук, сухо и плотно, словно дровосеки рубили дубовые чурки.

— Твой отец, — сказал Урсус между выпадами, отступая на шаг. — говорил, что ты слишком горяч. Бросаешься в бой, словно молодой пес. И он прав! Надо как матерый волк!

— Матерый не дерется, дядя. Он умный, он убегает от опасности.

— А потом рвет горло врагу.

Урсус сделал ложный выпад в голову, заставив Марцелла поднять щит, и в этот момент ударил снизу, в живот. Деревянный меч ткнулся в кожу куртки, оставляя чувство унижения.

— Мертв, — хрипло констатировал Урсус по-германски, опуская меч. — В третий раз за последние два дня. Плохо. Очень плохо, молодой господин!

Все двадцать лет в легионе он прослужил на германской границе. Получил там ранение в горло и едва выжил. С тех пор, волнуясь или напившись, частенько переходил на германский язык.

— Посмотри вниз, — ответил Марцелл чуть охрипшим голосом.

Урсус опустил взгляд и увидел, что неизвестно откуда взявшийся кинжал почти касался его живота.

Он отошел на шаг, еще раз смерил ученика взглядом, в котором промелькнуло уважение.

- А вот это неплохо, неплохо, клянусь Юпитером! - оскалился по-волчьи, избородивший лицо шрам налился кровью. Надо признать, ты дерешься лучше, если тебя как следу-

ет прижать. И запомни! В бою любые приемы хороши! Любые, если они дают победу!

Марцелл довольно улыбнулся, убирая кинжал. Урсус хвалил редко, но только за дело. И от этого скупая похвала была особенно ценной.

Краем глаза он увидел человека в тунике с пурпурной каймой, выдававшей его принадлежность к дворцовой службе, и с напряженным лицом.

Он остановился на пороге, в руках он держал запечатанный свиток. Бойцы повернулись к нему.

— Я Марцелл. Что произошло? — молодой господин повернулся к вошедшему разгоряченным лицом и опустил деревянный меч. На лбу пролегла складка. *Дворцовый гонец. Такое случалось не каждый день. Отец? Цезарь Август? Что случилось?*

Урсус замер за его спиной, не опуская щита.

— Приказ Цезаря Августа. Вручается лично в руки.

Гонец протянул свиток, не делая и шага вперед.

Марцелл взял его, сломал печать с профилем Октавиана и развернул пергамент. Прочитал, не меняясь лицом, но Урсус заметил, как побелели костяшки его пальцев.

Гонец вышел. Урсус нахмурился и посмотрел на ученика с недоумением.

— Что там? — спросил, вытирая со лба пот.

Марцелл прочитал вслух ровным голосом, не повышая тона:

«Марцеллу, сыну Октавии Старшей, от Цезаря Августа, императора, понтифика, отца отечества. Ты назначаешься наместником провинции Балтика и получаешь право командования гарнизоном фактории Глезария. Отъезд назначается сегодня. Эскорт — тридцать преторианцев. Цезарь Август, сын божественного Юлия».

— Глезария? — переспросил Урсус, хмуря бровь. — Где это, молодой господин?

— Не знаю точно, но похоже, где-то на краю земли, — Марцелл с недоумением посмотрел на него и свернул свиток. — У Сарматского моря. Какая-то торговая фактория в землях варваров.

— А твой отец знает о приказе Цезаря?

— Не знаю. Но... — Марцелл еще раз посмотрел на свиток и улыбнулся, успокаиваясь. — Наместник Балтики – это такая возможность проявить себя наследнику Цезаря! Отец будет доволен!

Урсус еще больше насупился:

— Приказ – есть приказ, но ты думаешь, Цезарь просто так отправляет тебя, молодой господин, на край света?

- А что тут думать, дядя? – пряча свиток за пояс, ответил Марцелл. — Это испытание. И я докажу, что его наследник достоин стать Цезарем!

Урсус замер, вспоминая...

Это было несколько лет тому назад. Маленький наследник сидел на мраморном полу, обхватив колени руками. Рядом

присел Урсус — кривой на глаз, лицо в шрамах. Марцелл поднял на него взгляд, мигнул удивленно.

— Ты кто?

— Я Тит Флавий. В легионе меня звали Урсус, что означает в переводе с германского медведь.

— Медведь? — Марцелл оглядел гору мышц. Подумал. Поднялся. Взял со стола яблоко — красное, блестящее и протянул.

— Дядя Урсус, научишь меня драться как настоящий легионер?

Урсус замер. Смотрел на яблоко, потом на мальчишку. Потом снова на яблоко.

— Дядя? — переспросил хрипло.

— Ну да. Ты старый. И огромный, как дядя.

Урсус взял яблоко и спрятал за пазуху, ближе к сердцу.

— Научу, малыш. Только не плакать, когда будет больно!

Марцелл довольно улыбнулся, потом с необыкновенной важностью произнес.

— А я не плачу. Клавдии не плачут.

Урсус отвернулся, чтобы мальчишка не увидел взгляд незаслуженно обиженной собаки. У ветерана никогда не было семьи — походы, армейская жизнь. А дети если и были, он ничего о них не знал. Когда он вернулся домой, то был уже слишком стар, чтобы менять собственную жизнь...

— Я еду с тобой, молодой господин, — Урсус хлопнул Марцелла по плечу — тяжело, по-медвежьи. — Твой отец

одобрит это.

— Откуда ты это знаешь? — Марцелл с интересом посмотрел в дубленое лицо наставника.

— Потому что я на его месте поступил бы так же - один старый солдат всегда поймет другого. — Урсус пожал плечами и усмехнулся. — Кто еще на краю света будет учить тебя драться? Платить-то будешь?

- Тебе, дядя? Конечно и серебром! - Марцелл кивнул, улыбаясь.

Но в этот день он не уехал.

Пришло известие о смерти отца. Секст Аппулей скоропостижно скончался от болезни сердца — так сказали врачи. Отец в последнее время жаловался на сердце...

Похороны.

Марцелл с изуродованным болью лицом стоял у края погребального костра, сжимая в руке серебряную чашу — подарок отца на совершеннолетие. Смотрел, как пламя лижет облаченное в тогу с пурпурной каймой тело, как дым поднимается к серому предгрозовому небу, и не мог заставить себя поверить: этот жар, этот черный дым, этот треск горящего дерева — все, что осталось от человека, который любил его и которого он сам любил больше жизни. Рука, сжимавшая чашу, дрожала. Пальцы побелели.

Рядом были наемные плакальщицы, рвали на себе волосы, но Марцелл не слышал их. Трубы пели низко и тягуче, актеры в восковых масках предков восседали на колесницах,

но он не видел их. Он видел только огонь. И чувствовал пустоту в душе.

Он не плакал — римляне не плачут на людях. Только сжал зубы так, что заныли челюсти.

Когда настал его черед, он шагнул вперед, к самому краю костра. Жар ударил в лицо, обжег щеки, но он не отступил. Разжал пальцы и отступил на шаг. Серебро звякнуло о камни погребального ложа, и кто-то из родственников всхлипнул. Марцелл не обернулся.

Стоял, глядя, как чаша чернеет в огне, плавится, теряет форму. Вместе с ней плавилось что-то в его груди. Он не знал, что именно. Может быть, надежда. Может быть, страх.

Поминки длились до вечера. Гости говорили тихо, пили разбавленное вино, вспоминали заслуги Секста Аппулея — его победы, его благодеяния, его честность. Кто-то плакал, кто-то безмолвно сжимал кубки так, что белели костяшки. Марцелл сидел во главе стола, принимал соболезнования, кивал, но не слышал ни слова. Внутри была пустота, словно со смертью отца он утерял часть себя.

Вечером дом затих. Слуги разошлись по своим углам, гости разъехались. Гулкая, злая тишина в доме, где еще вчера звучал голос отца. Марцелл сидел в атрии, глядя на пустое кресло отца, и вспоминал. Урсус стоял за его спиной, не произнося ни слова. Молчание было тяжелее и красноречивее любых речей. Слезы одна за другой стекали по враз осунувшимся щекам. Мать и отец — оба, и так неожиданно

ушли от него. А Урсус. А что Урсус? Он никогда и никому не проговорится, а завтра он снова будет холоден и собран. Как достойно римлянину...

Четырехлетнему Марцеллу приснился страшный сон — огромный дракон с горящими глазами, который дышал огнем и хотел забрать папу себе. Он проснулся в слезах и сразу решил посмотреть, что с папой. На цыпочках прокрался в спальню родителей.

Папа лежал на спине, тихонько похрапывая. «Слава богам!» - подумал Марцелл. Мама — рядом, положив голову ему на плечо.

Он остановился у края кровати.

— Мама, — прошептал. — Мне страшно.

Мама открыла глаза мгновенно — как будто и не спала. Приподнялась на локте. Перед ней стоял сынишка с такой молящей мордашкой, что она невольно улыбнулась.

— Не бойся! Мама с тобой, - она откинула край одеяла. - Ложись сюда, мой мальчик.

Марцелл радостно выдохнул и забрался между родителями. Мама поправила одеяло, накрыла его. Папа, не просыпаясь, машинально обнял их обоих, притянул к себе.

— Папа здесь, — пробормотал сквозь сон. — Никто не тронет моего Маркушу.

Марцелл прижался к теплой отцовской груди и почувствовал родное и мерное биение его сердца.

— Я тоже тебя не дам в обиду, — прошептал он и закрыл

глаза. Дракон исчез. Было тепло, спокойно и пахло лавандой — мамиными духами...

Только на третий день после похорон ранним утром небольшая кавалькада всадников выехала за городские ворота. Древняя Фламиниева дорога, теряющаяся в туманной дымке, вела к Адриатике, а дальше — к варварским землям на краю мира. Марцелл чуть коснулся пятками боков коня и, перебрав поводья, пустил жеребца рысью навстречу утреннему солнцу. Следом ехал Урсус. Он нахохлился, словно старый пес, который чувствует, что хозяин в беде, но не знает, как помочь. Последними, за колонных молчаливых преторианцев на конях, двигались три телеги с походным имуществом. Брезент закрывал их содержимое от нескромных глаз. Марцелл собирался взять намного больше вещей, но Урсус молча убрал половину, оставив только самое необходимое. Марцелл тогда возмутился:

— Ты что делаешь, дядя?

— спасаю своего господина от глупости, — прохрипел недовольно Урсус.

Марцелл отъехал от стен сотню шагов, остановился и повернулся. *Прощай, великий город, где я был счастлив! Прощайте разгульные пирушки с друзьями и подружками. Прощай, беззаботная юность!* Он вдруг отчетливо понял, что очередной период его жизни закончился и, от этого ему стало невыразимо грустно.

Я вернусь к тебе, Великий Город, победителем!

Он повернулся и сжал ногами бока коня, пуская его в путь.

Его ждала Глезария — самая северная и дикая фактория на побережье Сарматского моря, где серебро и железо, украшения из стекла и амфоры с вином меняли на желтый, пахнущий сосновой смолой янтарь.

Глава 3

Тяжелые занавеси из тирского пурпура на окнах спальни легата Паннонии задернули — никто не должен видеть, что происходит внутри. Пробивавшийся сквозь занавеси свет окрашивал все в алые тона. Огоньки в лампах в углах, потрескивая, бросали дрожащие рыжие тени на яркие фрески из привозного мрамора на стенах и лицо лежащего на кровати мужчины — одного из самых могущественных сановников империи Гая Корнелия Лентула.

Он недавно перешагнул пятидесятилетний рубеж, но выглядел моложе благодаря хорошей военной форме, хотя в последнее время и начал заплывать жирком — годы штабной работы и обильные обеды сделали свое дело.

Гай откинулся на подушки и коротко простонал. Волны наслаждения захлестывали тело. *Еще! Еще! Еще чуть-чуть! Не останавливайся!*

Лицо с намечавшимся двойным подбородком покраснело, вокруг пересекающего щеку старого шрама от парфянской стрелы, выступили мелкие капли пота.

Хорошая шлюха. Умелая шлюха!

Гай вдруг почувствовал, что она перестала.

Над краем кровати появилось женское лицо. Валерии шел двадцать пятый год, от нее пахло шафраном и дорогим маслом. Темные волосы уложены в высокую прическу, губы на-

крашены киноварью. Гай скользнул взглядом ниже — грудь, приподнятая дыханием, кончики ее вызывающе торчали.

— Господин, — тоненько прошептала женщина и сложила ладошки в умоляющем жесте, — ты обещал. Марк заслужил стать примипилом. Он...

- Да-да! – перебил легат изменившимся голосом, который сам с трудом узнал - Завтра же подпишу приказ. Ну давай же, продолжай! - А сам, не отрываясь, смотрел на ярко-алые губы женщины.

В этот момент он был готов на все, лишь бы она продолжила.

Она и заискивающе улыбнулась.

Мужские руки, привыкшие повелевать и добиваться своего, надавили на женскую макушку, она нырнула назад. Гай почувствовал, как она начала снова и прикусил губу.

Стук в дверь прозвучал властно, нетерпеливо — так стучат те, кто привык, чтобы им открывали сразу.

Женщина снова замерла. Лентул вздрогнул, сверкнув глазами, приподнялся на локтях и рывкнул полными ярости голосом:

— Я же велел не беспокоить меня! Кто там?

Несколько мгновений стояла полная тишина, только из окна донесся пронзительный павлиний крик.

— Простите, господин, – глухо донеслось из-за дверей. - Но вы приказали: если кто скажет: «Снега на Альпах выпали рано» — пропускать немедленно.

Он узнал голос — это был его личный телохранитель и за-
мер. Ярость схлынула мгновенно. Сердце, только что коло-
тившееся, начало биться ровно и тяжело — словно перед бо-
ем.

Проклятье! Это пароль от нее! Ливию Друзиллу он опа-
сался, справедливо полагая: жена в постели, а не мать на фо-
руме, направляет слова мужа! *(русский аналог — Ночная ку-
кушка всех перекукует)*

- Кто это передал? — спросил голосом, в котором не было
и капли прежней ярости.

- Не знаю господин! Какой-то человек. По виду — вольно-
отпущенник. Он ожидает у ворот виллы. Как нам поступить?

Легат сел на кровати. У его ног белело в полутьме обна-
женное тело женщины. Взгляд круглых от удивления глаз
не отрывался от мрачного лица любовника. В них читался
немой вопрос: «Кто посмел тревожить «старую крысу» - так
за глаза называли легионеры своего легата».

— Спрячься за кровать, — тихо сказал легат и махнул ру-
кой в сторону резного изголовья кровати, - И не выходи, по-
ка не разрешу!

Валерия пригнулась и юркнула за кровать, по пути при-
хватив с пола платье. Лентул торопливо натянул тунику, за-
правил край за пояс, пригладил волосы — седые, коротко
стриженные, с залысинами, открывающими высокий выпук-
лый лоб.

— Пропустите! — крикнул он.

- Хорошо господин!

Он услышал торопливые шаги за дверью и еще раз прошипел:

- Сиди здесь и жди.

Не дожидаясь ответа, вышел из спальни. Тщательно притворил за собой дверь — на всякий случай — и присел за стол в глубине кабинета. Стол был массивным, заваленным свитками, к его темному дереву липли локти.

Прошло несколько минут и дверь открылась.

Огромный, загорелый словно араб, человек подошел, едва заметно прихрамывая, к столу и коротко склонил голову. Только волосы цвета высохшей травы выдавали — не южанин. Глаза прищурены, куда смотрят — непонятно. В одной руке бронзовый фонарь с мерцающим фитилем, в другой — опечатанный свиток.

Протянул его.

— От госпожи, — произнес низким, скрипучим голосом.

Лентул миг помедлил, взял, не глядя на гонца. Пальцы в золотых перстнях помедлили, потом решительно сломали бронзовую печать. Развернул и пробежал по ровным строкам взглядом. На первый взгляд — обычное письмо. Благодарность за службу, расспросы о здоровье, неспешные рассуждения о ценах на зерно. Лентул покачал головой: та, кто послала, пустого не пишет.

Прошел к входу, где в жаровне ярко пылали угли, и нагрел свиток над пламенем. Между строк медленно просту-

пили буквы — бледные, коричневые, словно старые шрамы. Лентул пробежал глазами. Перечитал еще раз. Лицо посерело, на лбу выступила испарина. Шрам на щеке дернулся.

...Было бы досадно, если бы с племянником Цезаря случилась беда. Ты понимаешь, о чем я. Позаботься об этом...

Он побледнел. *Наследник! Боги, во что меня впутывают!*

- Что передать госпоже? — посланник пристально, оценивающе смотрел в лицо легата. Так, наверное, смотрит египетская кобра, когда оценивает: напасть, или жертва не стоит усилий.

Лентул конвульсивно сглотнул, пальцы затеребили край туники — привычка, которую он не мог побороть, и посмотрел в каменно-спокойное лицо посланника госпожи.

- П- приказ есть приказ! — в волнении он начал заикаться, - Воля госпожи будет исполнена.

Филокл склонил голову. Четко, почти по-военному развернулся и скрылся за дверью.

Лентул посмотрел на свиток. Порвать? Ключки увидят рабы. Значит сжечь! Он поднялся, подошел к жаровне, бросил туда свиток. Кожа вспыхнула и почернела, съезжившись, оставив после себя едкий, вьедливый запах сгоревшего пергамента.

Дверь спальни открылась и оттуда высунулась полностью одетая и даже причесанная матрона.

— Господин, что случилось? — заискивающе улыбнулась женщина. Своего сиятельного любовника она явно опасалась.

лась.

— Ничего, — повернулся к ней легат, лицо его покраснелось, и говорил он зло и взвинченно.

Ах да, эта шлюха еще здесь.

— Совершенно ничего не произошло. А ты уходи. Через заднюю дверь!

— Муж...

— Завтра, — рявкнул Лентул. — Приказ будет подписан завтра. И... ты ничего не видела и не слышала. Ты меня поняла? — последние слова он произнес с нажимом.

Женщина мгновенно изменилась в лице, кивнула и, подхватив сандалии, выскользнула наружу, бесшумно прикрыв за собой дверь.

Лентул остался один. Вынул из ларца на столе пузырек с мутной жидкостью. Цикута. Спрятал обратно.

«Найдем людей, — ноготь указательного пальца он уже успел обгрызть почти до крови. — Сделаем. А там... будь что будет. Может... выпить вина? Наверное — да!». Пальцы коснулись бронзового колокольчика.

«Дзынь-нь-нь»

За окнами нудно выл ветер. Где-то на севере беззвучно мелькали огненные зигзаги молний - бушевала еще не дошедшая до виллы гроза.

Горный перевал в Карпатах.

Тропа вынырнула из чащи на открытое место — узкий коридор между скалами. Дорога была завалена стволами деревьев. Стволы лежали крест-накрест — не объехать, не перепрыгнуть. Только пешим, в колонну по одному, держа коней в поводу. Слева крутой склон нависал над тропой, густой кустарник цеплялся за камни, как скрюченные пальцы. Справа — пропасть. Внизу глухо и тревожно ворочалась горная река. Место было для засады — лучше и не придумаешь!

Лес за спиной словно замер, притаился, даже птицы умолкли.

Урсус нахмурился и натянул поводья, предостерегающе поднял руку. Колонна остановилась.

— Что-то не так, — сказал тихо, оглядывая настороженным, волчьим взглядом окрестности.

Марцелл — он ехал в середине колонны, подъехал. Жеребец прядал ушами, всхрапывал, не хотел стоять на месте.

- Что там, дядя, - тихо спросил, настороженно оглядывая окрестности.

— Слишком тихо, — сказал Урсус, не оборачиваясь. — Лес не молчит днем. И когда путь завален, я чую драку. *Вчера закат был кровавый,* — подумал он. — *Не к добру это, ох не к добру.*

- Думаешь засада? — Марцелл повернулся к наставнику с растеряннo-бледным лицом. В голосе — нескрываема́я опасность. За месяц пути всякое происходило, и это был уже не тот восторженный юнец, который выехал из Рима навстречу свободе и приключениям.

Урсус кивнул, не отрывая взгляда от заросшего кустарником склона.

- Что предлагаешь, дядя?

- Отходим.

— Отходим, — выкрикнул, подняв руку, Марцелл. — Держать строй. Щиты поднять.

Всадники развернули лошадей. Колонна двинулась обратно. Копыта цокали по камням, сбруя позвякивала. Напряженная тишина давила на уши — даже река внизу словно притихла, рычала тише.

Цокали по камням копыта. Шаг. Еще шаг.

Тонкий, злой свист.

Марцелл услышал странный звук и повернул голову. Преторианец справа покачнулся и захрипел, схватившись за горло. Стрела пробила кольчугу там, где она расходилась у ворота. Он нелепо взмахнул руками, изо рта фонтаном брызнула кровь. Он рухнул с коня и покатился с обрыва вниз к реке.

На миг мир замер. Кто-то непонимающе оглядывался, кто-то замер. В ушах — водопадом гудела собственная кровь, и Марцелл с прохладной ясностью осознал, что сию

минуту ему и наступит конец, полный и бесповоротный, если они ничего не сделают в оставшиеся мгновения.

— Засада! — словно сквозь слой воды услышал крик Ур-суса. — К щитам! Черепахой!

И в тот же миг время бешено помчалось вперед.

Стрелы градом застучали по щитам, пробивая насквозь — глухо стучали по дереву, железные наконечники впились в предплечья преторианцев. Крики, ругань сквозь зубы. Кто-то упал, даже не успев понять, что случилось. Метали стрелы с двух сторон — с кустарника на склоне и из-за поваленных стволов впереди. Сверху полетели камни, застучали по спинам лошадей, по щитам и шлемам спрыгивающих на землю преторианцев.

Жеребец под Марцеллом вздрогнул. Захрипев от боли, встал на дыбы, молотя копытами по воздуху. Он спрыгнул, выхватил меч.

Это был его первый настоящий бой. Не учебный, где Ур-сус подставлял щит и поправлял ошибки. Здесь стрелы свистели по-настоящему, и кровь на камнях была не от порезанного пальца.

«Неужели сейчас? — пронеслось в голове. — Неужели все? Здесь?»

Он побледнел. Пальцы, сжимавшие рукоять меча, онемели и не чувствовали ничего. Кто-то рядом закричал — высоко, тонко, не по-мужски. Марцелл не понял, кто — то ли враг, то ли свой.

На земле навзничь лежал окровавленный воин, повернув к Марцеллу бледное лицо. Кажется, его звали Децим. В широко открытых глазах навечно застыло выражение легкого удивления. Рядом еще несколько преторианцев глухо стонущих раненых и мертвых, пробитые стрелами щиты.

— Строй держать! — рявкнул Урсус, перекрикивая людские крики, предсмертное ржание коней и прикрывая щитом господина. — Я сказал держать!

Голос ветерана ударил словно пощечина. Марцелл вздрогнул, помотал головой, прогоняя оцепенение.

Я жив. Еще жив. Надо действовать.

Он поднял щит и встал плечом к плечу с Урсусом.

Преторианцы сомкнулись. Стеной встали прямоугольники щитов skutumov. Острия метательных pilumov смотрели вперед.

Но стрелы летели сверху, а камни все падали со склонов. Черепаха хорошо держала лобовой удар, но не защищала от навесного огня.

Преторианцы один за другим рушились на землю.

— Это не варвары! — крикнул Урсус, отбивая стрелу щитом. — Смотри!

Марцелл посмотрел туда, куда показывал ветеран. Из-за завала выдвинулась шеренга — щит к щиту, pilumy вперед.

- Барит! — проорали атакующий клич.

Римский строй и римское оружие.

— Это свои, — прошептал Марцелл. — Легионеры. За

что?

Ответа не было.

Стрела просвистела над ухом, вонзилась в щит Урсуса. Скорее инстинктивно, заученно на бесчисленных тренировках, нежели осознанно, Марцелл отбил следующую.

Он посмотрел назад. Дорога была отрезана — позади появились новые стрелки, перекрывая тропу.

Они отступали к скале. Марцелл прижимался к ней спиной, Урсус прикрывал его щитом. Здесь они были защищены каменным козырьком от обстрела сверху. Преторианцев оставалось семеро. Хотя еще минуту назад было двадцать.

— Молодой господин, прыгай вниз, — рявкнул Урсус.

— Что? — нервно сглотнул Марцелл.

— Я сказал в воду! Прыгай! Это единственный путь спасения!

— Нет, — Марцелл сжал зубы. — Потомку Аппулея постыдно бросить тебя.

— Мальчишка! Кровь Аппулея должна выжить, — Урсус посмотрел ему в глаза. Спокойно. Твердо. — Живи за нас двоих — сделай это, мой мальчик.

Он оттолкнул Марцелла к краю обрыва, а сам шагнул навстречу убийцам.

— Сюда! — закричал, размахивая мечом. — Сюда, трусы! Бейтесь с римлянами лицо в лицо! — это крик был мощным, яростным, с каким командир бросает бойцов в последнюю атаку. Из которой уже не надеется вернуться.

«Чпок, чпок», - впились в его щит стрелы.

- Прыгай, я сказал. Это приказ, сынок! - хрипло крикнул, не оборачиваясь. *Живи, мальчик мой! Ты самое дорогое, что у меня есть.*

Старый солдат так и не создал собственную семью, родственники поумирали, и он искренне привязался к мальчишке и в мыслях считал его своей семьей.

Марцелл посмотрел вниз, в узкую щель каньона под ногами. На дне, глубоко внизу, ворочалась река. От края обрыва до воды — не меньше тридцати локтей. Вода казалась черной, почти маслянистой, только у хищно вздыбившихся из воды каменных зубов взбивалась белой пеной.

Марцелл побледнел. *Упасть на камни — верная смерть!*

- Аге! (*Давай! / Вперед!*) Он зажмурился и шагнул в пустоту, поспешно набирая в легкие как можно больше воздуха.

- Аааааа!

Несколько долгих мгновений и тело камнем вонзилось в воду. Жесткий удар об пятки выбил дыхание. Холод обжег словно сотни игл, впившихся одновременно в кожу. Жидкость устремилась в ноздри, уши, попыталась прорваться через плотно сомкнутый рот.

Он ударился пятками об камни дна, и изо всех сил оттолкнулся, судорожно забил руками.

Жить! Жить, очень хочу жить!

Живое существо хочет жить — это основной инстинкт, глубже голода, глубже страха, глубже самой любви. А уж ко-

гда оно в бешенстве и готово сражаться до самого последнего удара сердца, то и силы появляются невероятные, невысказанные при обычной ситуации.

Миг — и Марцелл вынырнул, хватая ртом воздух, фыркая и отплеываясь. Река тащила все дальше, крутила, швыряла словно щепку, не спрашивая, хочет ли он жить. Берега узкой долины стремительно мелькали мимо — серые, мокрые скалы, поросшие мхом и корявыми соснами, цепляющимися корнями за каждую расщелину. Вода грозно ревела, кипела, билась о выступающие из пены остроконечные черные зубцы камней. Стоит хоть на миг расслабиться — и размоет об один из них. Он уже дважды чувствовал, как камень скребет по бедру, и каждый раз сердце ухало в пятки, а перед глазами вспыхивали белые искры. С каждой секундой силы таяли — руки немели, ноги перестали чувствовать дно.

Слева и справа поднялись утесы, скрыли солнце, и долина окончательно превратилась в каньон с бушующей рекой, которая несла его все дальше, крутила, швыряла от стены к стене, не спрашивая, хочет ли он жить.

— Дядя... — прошептал, отплеываясь от воды.

Прошло несколько минут. Марцелл уже почти не боролся — сил не было. Река несла, тащила телом по камням, царапая спину, только изредка он выныривал, хватал ртом воздух, и снова уходил под воду.

Стремительный поток вынес его за очередной поворот, и он увидел торчащие из воды, словно зубы древнего чудови-

ща камни. Между ними плескалась мелкая вода, пенилась, кипела. Дальше — заросший соснами берег. *Спасение!*

Марк Клавдий Марцелл очень, очень хотел жить. Хотя бы только для того, чтобы вернуться и отомстить подлым убийцам и спасти дядю.

Судорожно забил руками по воде, заколотил ногами, из последних сил погреб к отмели. Если сейчас сдастся, то все — река возьмет свое, и никто никогда не узнает, где покоятся его кости.

— Давай! — прохрипел, выплевывая воду, смешанную с кровью из разбитых губ. — Еще немного! Еще чуть-чуть!

Пальцы уже царапали гальку. Ногти сломались об камни, но он не почувствовал боли. Он почти коснулся берега. Еще одно усилие. Еще одно.

Страшный удар в голову сбоку вырвал сознание.

Мир лопнул, рассыпался на осколки, погас.

Тело обмякло.

«Все», — змейкой скользнула облегчающая мысль.

Гул и черная пустота. Без дна и без надежды...

Сколько времени прошло — он не знал. Может, мгновение. Может, вечность. Вначале он почувствовал холод. Будто ледяные иглы засели под кожей и не желали выходить. Потом тянущая, от затылка до поясницы тупая, боль. Но она хотя бы подтверждала: жив.

Он почувствовал собственное тело. Голова раскалывалась. Он лежал на боку, поджав колени к животу. В лицо ко-

лола мелкая галька. Марцелл попытался вдохнуть — и закашлялся, выплевывая воду, песок, содержимое желудка. Но страшно было не это — он не чувствовал рук. Какое-то ватное, пустое онемение, словно их отрубили и забыли пришить обратно. *У меня нет рук?* Мысли ворочались медленно, словно телега в грязи.

Попытался пошевелиться и каждое движение отдавалось глухим ударом где-то в затылке. Ничего подобного он не ощущал — ни на утро после попок с такими же молодыми римскими патрициями, как сам, ни после учебных схваток, когда Урсус ронял его на землю.

«Что со мной? — подумал он. — Где я?»

Он поднял тяжелые, словно гири, веки.

Нависали серые мокрые скалы с длинными бородами ядовито-зеленых лишайников, с цепляющимися за расщелины корявыми соснами. А над всем этим — высоко-высоко — узкая серая полоса неба, плотно затянутого тучами. Рядом глухо, зло ворочалась река, перекатывая камни. Каньон, где едва не утонул.

В первое мгновение он не поверил собственным глазам. Мерещится! Сейчас проморгается, и все исчезнет.

Не исчезло.

Жив? Неужели жив?

Перевел взгляд. Река и отмель с валунами. Вода плескалась у ног.

Марцелл попытался пошевелиться и внезапно почувство-

вал «иголки» в руках! Он опустил глаза. Руки были. Просто словно чужие. Попробовал подвигать пальцами, но они не слушались, позвоночник ныл. Преодолевая боль, перекатился на спину.

— Ы-ы-ы-у, — вырвалось из горла. Думать не хотелось. В голове звенело, перед глазами плыли красные пятна, когда он пытался сосредоточиться. А двигаться — тем более.

«Я жив, — пронеслось где-то на грани сознания. — Жив. Слава Юпитеру!»

Он перевернулся на спину.

Щеку неприятно покалывало, словно там засела колючка. Он провел пальцами и посмотрел на них — кровь. Когда? Где? Он не помнил. Да и какая теперь разница. Хлынули воспоминания. Перевал, Засада и дядя, заставивший спрыгнуть в реку.

Только через несколько минут он собрался с силами и, пошатываясь, поднялся.

Провел рукой по поясу — распорот и кошелек сорвало. *Здорово. Но это не важно! Дядя... я иду!*

К месту засады, где тропа расширялась, выводя на зажатую между скалами небольшую прогалину, заметно укрепший Марцелл добрался через час.

Среди помятой травы и горных цветов, валялись раздетые, окровавленные тела. Тяжкий запах крови, свежий, железистый, ударил в ноздри, смешиваясь с сыростью горного леса. Вокруг земля была густо взмешана, превращена в

грязное месиво — ночью шел дождь. Виднелись следы ног и оставленные колесами повозки глубокие шрамы колеи.

И ни следа убийц.

Он медленно шел по полю, рассматривая убитых с тем чувством скрытого трепетного страха и звериного любопытства, которое испытывает всякий живой к тайне мертвого.

Он насчитал все тридцать преторианцев. Они лежали в различных позах, зачастую непристойных и страшных. Кто в чем. Некоторые — в одних окровавленных туниках, без доспехов. У других срезали калиги, сняли пояса с кошельями. Грабили наспех, небрежно — кто-то остался в одной сандалиии. Тут же, привалившись к валуну, сидел убитый погонщик — красивейшие женские глаза открыты, рот перекошен, в застывшей руке обрывок уздечки.

Он особенно долго смотрел на одного преторианца — молодого, с пухлыми губами и отроческим овалом лица. Марцелл наклонился. Четыре стрелы пробили кольчугу в разных местах и нападавшие побрезговали ее снимать.

Он выпрямился и увидел. Вздрогнул. Подсознательно до последнего мига он надеялся, что дядя все-таки спасся. Что в очередной раз увернулся от визита в Аид. Глаза защипало, горло сдавило. Он сглотнул — раз, другой, третий, — не давая слезам пролиться. *Римляне не плачут. Римляне не плачут!*

Дядя лежал чуть поодаль. Лицом вниз, раскинув руки, словно в последнем, отчаянном объятии пытался обхватить

чужую, каменистую землю, которая не хотела его принимать. Гладиус валялся в двух шагах — выпал из ослабевшей руки, и лезвие его, покрытое пятнами засохшей крови, тускло отражало серое небо.

Марцелл подошел, опустился на колени и перевернул Урсуса. Он был тяжелым и безжизненным, и эта тяжесть показала Марцеллу тяжелее всей вселенной.

Мертвые глаза были открыты, застывший взгляд не отрывался от небес. Шрам на щеке, который наливался кровью в минуты ярости, сейчас был белым, восковым. Губы — тронутые синевой — скорбно, недоуменно кривились. Словно хотели спросить: «За что?»

— Нет, — прошептал Марцелл и покачал головой — мелко, часто, как в лихорадке. — Только не ты. Только не ты, дядя.

Но мертвые молчат.

— Боги, — сказал тихо. — За что? Что я сделал неправильно? Зачем вы забрали его? Сначала мать, отец, потом дядя... Кто следующая потеря?

Но ответа не было. Только ветер уныло шуршал листвой, да река внизу яростно ворочала камни, с шумом билась об стены горной долины.

Марцелл осторожно провел ладонью по векам, закрывая дяде глаза. Внутри была звенящая пустота, но он держался. Скорее всего — на чистом упрямстве. Потому что физических сил уже не осталось. Его даже не волновало, что с ним

станет дальше.

Погладил шершавую, холодную щеку.

И сразу на него нахлынуло острое чувство тоски и одиночества. *Дядя, ты обещал быть рядом. Почему ты обманул меня?*

Странные корчи сотрясали его тело, словно он плакал, только без слез. Только тот, кто родился и вырос в среде патрициев, где интриги и предательства – норма, способен по-настоящему ценить драгоценность: искреннюю любовь и верность. Отношения Урсуса и Марцелла были гораздо глубже, чем отношения господина и слуги, и для молодого патриция он был самым родным человеком после отца и матери.

Он копал найденным кинжалом с обломанным острием в твердой почве под старым дубом. Кинжал скользил по мокрым камням, лезвие высекало искры, но он не останавливался. Он не мог допустить, чтобы дядины кости растащило дикое зверье.

Руки стер в кровь, пальцы не слушались, но он копал, копал, копал. Он не чувствовал боли. Только пустоту. Огромную, что она, казалось, могла заполнить весь этот лес, все небо над ним, всю пропасть, разверзшуюся у него под ногами.

На потемневшем небе холодно заблестели первые звезды, и он поднялся с колен. Могила готова.

Перетащил тело и засыпал землей. Не по-римски хоронил ветерана. Без факелов, без плача наемных плакальщиц. По-

варварски. Словно собаку, но другого варианта у него не было.

Утрамбовал в свежий холмик. И опустился перед ним на колени.

Стиснул зубы и сжал кулаки, давя в себе стон боли. На мгновение прикрыл глаза и тут же вновь открыл. В эти мгновения он окончательно понял, что его больше нет. Что дядя навсегда покинул. Не вернется. Не подставит щит. Не скажет: «Держись, молодой господин!».

И вдруг нахлынуло — понимание: он один. Совсем один. Крик рвался из груди — звериный, дикий.

Марцелл сжал челюсти, заскрежетал зубами — и не сдержался.

Он выхватил кинжал и, не глядя, ударил — пронзил мякоть левой ладони. Боль вспыхнула, выжгла тоску, вернула здравомыслие. Зашипел сквозь зубы. Кровь потекла по запястью, капнула на свежую землю. Он постоял над могилой, не отводя взгляда от свежей земли. Слезы наконец прорвались — в глухом лесу, никто его не видел. Он плакал, как мальчишка, беззвучно, сотрясаясь от рыданий. Но даже в этом отчаянии он чувствовал: достоинство — не в том, чтобы не плакать, а в том, чтобы не сдаться. Для Марцелла самым важным было не потерять достоинства римлянина и патриция. Это было важнее, чем его собственная жизнь. И когда слезы иссякли, он вытер лицо рукавом и в этот миг вспомнил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.